

Никулин Виктор Васильевич

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В 1920-Е ГОДЫ: ТЕНДЕНЦИИ И СОСТОЯНИЕ

Проанализирована преступность периода нэпа как социально-правовое явление, выявлены тенденции её развития, количественные и качественные характеристики. Показано, что в первой половине 1920-х гг. преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма, преступления против личности, с середины 1920-х гг. доминирующее положение заняли должностные и имущественные преступления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 55-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voproshy_hist@gramota.net

4. Селиванов А. М. Социально-политическое развитие советской деревни в первые годы нэпа (1921-1925 гг.). Саратов, 1987.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1920. № 11. Ст. 68; № 20. Ст. 108.
6. СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.
7. Съезды советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935.

NORMATIVE-LEGAL BASES OF SOVIET MANAGEMENT SYSTEM FORMATION IN THE 1918-1920s

Krasnikov V. V.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
victor_krasnikov@list.ru*

Abstract. The normative-legal basis of management system during the first years of Soviet authority and the first local council election campaigns in Tambov province are analyzed in the article.

Key words and phrases: province; volost; district; councils; executive committees; electoral committees; electoral process; bolsheviks.

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В 1920-Е ГОДЫ: ТЕНДЕНЦИИ И СОСТОЯНИЕ

Никулин В. В.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
victor.nikulin@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации д.ю.н., проф. Придворовым Н. А. и к.ю.н., доцент Воробьевым Н. И.

Аннотация. Проанализирована преступность периода нэпа как социально-правовое явление, выявлены тенденции её развития, количественные и качественные характеристики. Показано, что в первой половине 1920-х гг. преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма, преступления против личности, с середины 1920-х гг. доминирующее положение заняли должностные и имущественные преступления.

Ключевые слова и фразы: преступность, динамика преступлений, тенденции, коррупция, бандитизм, должностные преступления, экономическая преступность, криминогенная ситуация, уголовный кодекс, наказание, уголовно-правовая концепция.

Преступность в России на фоне все более усложнявшейся социально-политической обстановки стала расти еще в предреволюционные и революционные годы. Перед первой мировой войной число осужденных составляло 2,5 млн. человек, что по сравнению с концом XIX более чем в два раза [9, с. 217]. В Москве за 1914–1918 гг. преступность в перерасчете на население выросла в 3,3 раза. В том числе убийства – в 11 раз, вооруженные грабежи – в 307 раз, простые грабежи – в 9 раз, кражи – в 3,4 раза, мошенничество – в 3,9 раза, присвоения и растраты в 1,6 раза. А если принять всю преступность в Москве в 1918 г. за 100%, то в 1919 г. она составила 124%, в 1920 г. – 147%, в 1921 г. – 153% [8, с. 365-373].

С началом мирного периода преступность не только не потеряла своей динамики, но, изменив свой характер и черты, она приобрела специфическую интенсивность и агрессивность. Рост преступности отмечался повсеместно. Новая экономическая политика неслы в себе не только положительные тенденции (восстановление экономики, рост уровня жизни населения), но и значительный отрицательный потенциал. Открыто проявились худшие черты нэпа: бандитизм, торговля наркотиками, коррупция и хищения, проституция, азартные игры, существенно усложнявшие социально- правовую обстановку во всех регионах России.

Резкие всплески преступности отмечены в 1924 и 1925 гг. Так, в Тамбовской губернии с 1922 по 1924 гг. было заведено 15 тыс. уголовных дел [5, д. 28, л. 131-132]. По 50 губерниям и областям РСФСР в 1924 г. подсудимых насчитывалось 1.884.509. Из них было осуждено 1.529.710 человек (81,2%), оправдано – 354799 (18,8%). Таким образом, в течение 1924 г. было осуждено 2,2% от общей численности населения страны [11, с. 58]. Это больше, чем за предшествующий период, в два раза.

Особо значительные размеры приобрел уголовный бандитизм. В октябре 1922 г. ВЦИК РСФСР предоставил ГПУ чрезвычайные полномочия по борьбе с бандитизмом, включая право внесудебной расправы над участниками бандитских налетов и вооруженных ограблений [12, № 65, ст. 844]. Резко возросли проявления бандитизма в 1924 г. 29 января 1924 г. Ф. Э. Дзержинский направил в Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором отмечал, что не удалось ликвидировать политический и уголовный бандитизм. Имели место ограбления представителей польской, итальянской, британской и персидской дипломатических миссий и дипкурьеров. Наблюдались регулярные вооруженные ограбления и кражи зерновых у крестьян и кооперативов. По предложению Ф. Э. Дзержинского в мае 1924 г. ОГПУ вновь предоставлялись чрезвычайные полномочия по борьбе с бандитизмом, включая право внесудебной расправы в отношении бандитов и их пособников. ОГПУ и его местным органам в оперативном отношении подчинялись органы милиции и уголовного розыска. ОГПУ предоставлялось право направления в любую территорию СССР уполномоченных лиц для предварительной разработки, подготовки кампании по борьбе с бандитизмом и специальные вооруженные отряды для ликвидации бандитизма [18, с. 260].

Новый взлет бандитизма отмечается во второй половине 1925 г. Об этом говорит динамика роста бандитизма в Тамбовской губернии: первый квартал 1925 года – рост 11%; второй – 39%; третий – 72%; четвертый – 40% (по сравнению с аналогичным периодом 1924 г.) [5, д. 26, л. 72]. Размах и интенсивность бандитизма в Саратовской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской губернии стали угрожающим для безопасности населения и хозяйствующих субъектов, что было отмечено на совещании по борьбе с преступностью в Саратове в августе 1925 г. [5, д. 26, л. 76]. Борьба с бандитизмом приняла затяжной характер, и справиться с ним удалось лишь к концу 1920-х годов.

Главным объективным фактором, способствовавшим эскалации преступности, была сложная экономическая ситуация, сложившаяся в 1924–1925 гг. Неурожаем 1924 г. привел к массовому голоду. Весной 1924 г. в Тамбовской губернии голодало почти 700 тыс. человек, которые потеряли надежду дожить до нового урожая. Это вынуждало многих заняться грабежами. Неслучайно в большинстве случаев объектом грабежей становилось продовольствие [5, д. 26, л. 17]. Положение в губернии усугублялось тем, что в 1924 г. 10 тыс. «антоновцев» из 15 тыс. высланных были амнистированы и вернулись в родные места, где зачастую не находили ни семьи, ни хозяйства, ни работы. Лишенные средств к существованию, озлобленные, они собирались в банды, занимаясь грабежами. Уголовный элемент прибывал и из других губерний по причине голода и преследования местными правоохранительными органами. В губернию в значительных размерах прибывали также нелегальные перебежчики госграницы, высланные по приговору суда из Ленинграда, Москвы и Смоленска. Не имея возможности получить работу, при наличии массы собственных безработных, они также шли на преступления.

На развитие преступности влияло и состояние милиции. Текучесть кадров, вызванная тяжелым материальным положением сотрудников, большим риском для личной безопасности, низкая квалификация, засоренность «порочными элементами» были типичными явлениями того времени. Текучесть кадров была невероятной. Только с 1 января по 10 октября 1924 г. в Тамбовской губернии сменилось 18 начальников уездной милиции, 116 волостных милиционеров и их помощников. Годовой процент сменяемости кадров для разных категорий штата составлял от 143% до 400% [4, д. 139, л. 9]. Безжалостное отношение к кадрам приводило к тяжелым последствиям. Так, в марте 1924 г. в Козлове местный Уком РКП(б) разогнал опытных работников УГРО, в результате чего произошел значительный рост преступности, особенно уличной. В Новохоперском уезде Воронежской губернии подобная ситуация привела к росту нападений на поезда. В Борисоглебске сменили начальника УГРО и опытных работников, назначили нового начальника, правда, глупого. И опять рост преступности, особенно грабежей [4, л. 9]. Материальное положение милиции было ужасающим. Оборванные, голодные, вымаливающие хлеб у пекарен и у торговцев на рынке милиционеры вряд они могли быть противовесом преступности. Нужда заставляла их самих идти на преступления. В первой половине 1925 г. по сравнению с 1924 г. преступность среди милиции выросла на 50% [4, л. 47].

Немаловажным фактором, повлиявшим на увеличение преступности, стало снижение наказания, особенно за тяжкие преступления. Так, 66,6% преступников, осужденных за грабежи (ст. 165 УК 1926 г.), приговаривались к лишению свободы до 6 месяцев. Совсем неприглядной выглядела картина по умышленным убийствам: 69% лиц, осужденных за это тяжкое преступление, были приговорены к лишению свободы до 2-х лет, что явно не соответствовало социальной опасности данного преступления [Там же].

В условиях относительной экономической свободы нэпа стремительно росла экономическая преступность, которая в большей степени была номенклатурной преступностью, поскольку главный контингент лиц, совершавших экономические преступления, составляли руководители и ответственные работники, имевшие доступ к материальным и финансовым средствам. Основными видами преступлений являлись должностные преступления (статьи 105–118 УК 1922 г.), к которым закон относил злоупотребление властью (ст. 105), превышение власти (ст. 106), бездействие власти (ст. 107), злоупотребление властью (ст. 110), постановление судьями из корыстных и иных личных мотивов «неправосудебного» приговора (ст. 111), присвоение денег и ценностей (ст. 113), взяточничество (ст. 114) и ряд других. Часть преступлений экономического характера квалифицировались как имущественные: ст. 180 п.п. «д», «е», «з» (кража с использованием служебного положения), ст. 185, 186 (растрата). Наиболее частым служебным преступлением была растрата. Существенным признаком служебной растраты являлось совершение ее служащим или лицом, выполняющим определенное поручение. Предметом растраты могло быть любое имущество, в чем бы оно не

состояло (деньги, товары, ценности и т.п.). Но имущество это должно было находиться в ведение у данного лица в силу его служебного положения [15, ст. 186]. Закон особо выделял такие растраты, которые произведены служащим, наделенным особыми полномочиями, или же когда присвоены и растрочены особо важные государственные ценности. За такие растраты УК предусматривал лишение свободы на срок не меньше 3 лет, и даже расстрел с конфискацией имущества [Там же, ст. 180, п. «з»].

В УК 1926 г. в отношении должностных преступлений были внесены незначительные изменения. Так, новая ст. 112-я устанавливала ответственность за злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к служебным обязанностям, если в результате их последовал развал хозяйственного субъекта в виде лишения свободы со строгой изоляцией не ниже двух лет. При отягощающих обстоятельствах (корысть, хищение, взяточничество) предусматривалась высшая мера наказания – расстрел [17, ст. 112].

Раскрытие экономических преступлений было сложным делом, поскольку нэп сильно изменил их характер. Вместо грубых хищений с помощью легко обнаруживаемых подлогов, хозяйственные преступления в условиях нэпа все более облегалась легальные, изощренные формы, при помощи которых выкачивание денег из госпромышленности и госторговли происходило под видом нормальной хозяйственной деятельности. Хищения служили основой первоначального накопления для многочисленных «Корейко». Обогащение стало доминирующим побуждением для преступлений советских функционеров. Наиболее распространенными приемами преступной деятельности в сфере экономики были следующие: использование госаппарата в корыстных целях; организация торговых предприятий из подставных лиц; создание фиктивных частных посреднических контор, использовавших государственные материальные ценности; подряды в госорганах без всяких денежных и материальных ресурсов; поставки «воздуха» и поставки похищенного из государственных складов; кредитные операции в Госбанке на «дутые» документы и чужое имущество или без всякого обеспечения; привлечение денежных средств населения под фиктивные проекты (например, жилищное строительство); лжекооперативы и лжеакционерные общества; хищническая аренда госпредприятий и др. [6, с. 21-39].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в июне 1921 г. в целях борьбы с усилившимися хищениями с государственных складов была усилена уголовная ответственность в отношении лиц, уличенных в незаконном отпуске товаров, за расхищение и сокрытие. Устанавливалась применение строгой изоляции на срок не ниже 3 лет (ранее до 2-х лет) и высшей меры наказания при отягощающих обстоятельствах (многократность деяний, массовый характер хищений, ответственность занимаемой должности). Предусматривалось рассмотрение дел вне очереди и в порядке упрощенного производства, то есть без допущения защиты и свидетелей, в порядке ст. ст. 14, 19, 20 Основного положения о трибуналах, если вызов свидетелей не требуется при исключительной сложности дела [13, № 36, ст. 57].

Однако ужесточение законодательства не привело к существенным сдвигам. Тогда ВЦИК в мае 1922 г. предложил всем губисполкомам не пропускать кассационных жалоб и ходатайств о помиловании по вышеуказанным категориям, обращая приговор к исполнению в течение 24 часов по его выяснению. В качестве единственного признака, допускающего отступление от правил при рассмотрении дел для указанных категорий, как для трибуналов, так и губисполкомов – это социальное происхождение и классовая принадлежность привлекаемых и осужденных лиц, с тем, чтобы в отношении лиц пролетарского и полупролетарского происхождения суровость репрессии ослаблялась [2, д. 36, л. 1-2]. В 1923 г. усиливается репрессивность статьи 105-й УК (злоупотребление властью). В прежней редакции наличие злоупотребления властью признавалось только в тех случаях, когда действия должностного лица повлекли за собой нарушение правильности работы или причинение имущественного ущерба, или нарушали общественный порядок или права отдельных граждан, когда они совершались систематически, из корыстных или личных целей и влекли за собой тяжелые последствия, или хотя бы угрожают ими [12, ст. 105]. По новой же редакции при наличии таких же условий каралось и превышение власти по ст. 106, и бездействие власти по 107 статье, и халатное отношение к службе – ст. 108. Во всех остальных случаях они признавались должностными проступками [16, ст. 105, 106, 107, 108].

Несмотря на принимаемые меры уголовного, и административного характера, растраты, хищения не уменьшались. Ущерб, наносимый государству, организациям и предприятиям нередко достигал огромных размеров. Так, растраты, подлоги и другие преступления в 1924 г. по Курской конторе Госторга составили более 100 тысяч рублей. В Воронежской конторе Госторга ущерб составил 358 тысяч рублей, 36% ущерба приходилось на растраты [10, д. 967, л. 7]. Кооперативы, создаваемые как противовес частнику и получавшие значительную государственную поддержку, превратились в «кормушки» для местных руководителей. Из 14 проверенных в 1925 г. кооперативов Тамбовской губернии «нормально выглядели» два–три. Остальные были разворованы [19, д. 1245, л. 59]. Из 283 низовых кооперативных объединений Воронежской губернии 213 подверглись расхищению [1, д. 406, л. 10-23]. В целом по стране хищения, растраты и недоимки в 1924 г. составили 2,29% общей суммы расходов государства [10, д. 909, л. 18]. Но эти цифры не отражают истинной картины хищений и растрат, поскольку раскрываемость растрат и хищений не превышала 10% [10, л. 18].

Немало хищений было и в профсоюзах. В апреле 1925 г. Генпрокурор Д. И. Курский отмечал: «За последнее время отмечается учащение случаев присвоения и растраты отдельными членами профсоюзных организаций, поставленных на ответственные посты, вверенных им денежных сумм и иных ценностей. Это

наносит материальный и моральный ущерб. Они должны подвергаться преследованию со стороны прокурорского надзора. Предлагается во всех случаях присвоения или растраты, привлечь виновных в такого рода преступлениях по 2 части ст. 113 УК, предусматривающей ответственность за подобные деяния должностных лиц, облеченных особым доверием» [5, д. 20, л. 193]. Курский был настроен решительно, потребовав не прекращать дела о растратах. «Никакого разговора не может быть о ликвидации (прекращении) этих дел (растраты) в административном или в дисциплинарном порядке. Все они будут доведены до суда, причем только в исключительных случаях будут применяться условное осуждение и смягченные формы наказания» [5, л. 193].

Категоричность Генпрокурора вызывалась тем, что доля оправдательных и условных приговоров по делам о растратах была очень высока. Причин такого положения было более чем достаточно. Во-первых, суды не могли в полной мере использовать статьи УК для наказания растратчиков, поскольку директивы центра ориентировали их на смягчение наказания в отношении членов партии и «своих» социальных слоев. Во-вторых, привлекаемые номенклатурщики пользовались, безусловно, своими связями для смягчения приговора. Имел место и коррупционный фактор. Поэтому суды применяли часто к растратчикам краткосрочные сроки осуждения и условные сроки. Так, в Тамбовской губернии 50,3% осужденных по делам о растратах (1925-1925 гг.), были приговорены к условным срокам или к лишению свободы до 1 года и принудительным работам [3, д. 543, л. 3]. Довольно частыми были оправдания (15,6%) и просто не возбуждение дел, что порождало безнаказанность и как следствие рецидивы [3, л. 3]. В целом, по стране условно осуждалось 19,8% обвиняемых в растрате, 54,5% получили лишение свободы до 6 месяцев [4, д. 9, л. 68].

16 марта 1927 г. вышло новое постановление НКЮ о борьбе с растратами. Причина очередного постановления – новый всплеск растрат, особенно в низовых организациях. В 1927–1928 гг. в сельсоветах было совершено 30% всех растрат, в ККОВ – 47%, в потребительских обществах и кредитных товариществах – 23%. Раскрываемость растрат внутриведомственными ревизиями в 1927–1928 гг. годах не превышала 3,7%, а ревизионными комиссиями 54%. Краткие сроки лишения свободы (59%), условное осуждение (12,8%), принудительные работы стали самыми распространенным наказанием по такого рода преступлениям, что, безусловно, не способствовала повышению эффективности борьбы с этими преступными проявлениями [4, д. 9, л. 68].

Огромный размах в годы нэпа приобрело взяточничество, которое росло пропорционально с развитием свободной торговли. Взяточничество квалифицировалось УК 1922 г по двум статьям (ст. 114, 115). Статья 114-я предусматривала наказание в широком диапазоне: от трех лет лишения свободы и вплоть до высшей меры. Предел рамки наказания за взятку – до пяти лет лишения свободы и расстрел (при отягчающих обстоятельствах).

Ужесточение шло в направлении усиления ответственности не только непосредственных взяточполучателей, но и лиц, по отношению к которым была установлена лишь осведомленность их об имевшей место взятке. Их привлекали по статье 16-й и 144-й УК, как за пособничество. В отношении руководителей учреждений, знавших о взятке и не принявших меры к противодействию, применялась кроме перечисленных статей еще и статьи 107, 110 за бездействие власти. В отношении дел о взяточничестве предусматривалось сокращенное судопроизводство. При недостатке улик судам рекомендовалось использовать статью 49-ю УК, которая предусматривала запрещение проживания в определенной местности на срок до 3 лет [2, д. 36, л. 98]. На основе циркуляра НКЮ № 69 от 9 октября 1922 г. создаются комиссии по борьбе со взяточничеством при губернских прокуратурах. В их задачу входило взятие на учет и негласный надзор всех ответственных работников юстиции, в особенности народных следователей и судей в уездах. Предполагалась проводить постоянные ревизии, увольнять неблагонадежных, в том числе и на основе косвенных данных. Практически это означало чистку органов юстиции. Составлялись секретные списки, организовывался прием жалоб на действия судебных работников [5, д. 26, л. 46]. Активно привлекались органы ГПУ и Уголовного розыска. Основания для столь жесткой кампании по борьбе с взятками в органах юстиции были достаточными. На уездном уровне судейский корпус был в значительной степени подвержен коррупции.

В 1926 г., посчитав борьбу с взяточничеством успешной, законодатель в УК 1926 г. понизил предельные границы наказания за взятку до двух лет лишения свободы и до расстрела (при отягчающих обстоятельствах) [17, ст. 117]. Поскольку расстрел применялся по этой статье крайне редко, то смягчение наказания было достаточно ощутимым и явно не способствовавшим уменьшению преступных посягательств.

Массовыми в период нэпа стали дела о спекуляции. В начале нэпа понятия «спекуляция» не существовало. УК 1922 г. не квалифицировал спекуляцию как преступление. В 1926 г. спекуляция трактовалась УК как отпуск в одни руки товаров, в отношении которых имеется специальное запрещение или выше допустимой нормы (ст. 99). Связано это было с тем, что в 1926 г. на внутреннем рынке СССР обозначился товарный голод, что привело к дефициту и спекуляции в виде сделок между частными торговцами и госорганами. Губернским прокурорам предписывалось усилить репрессии в отношении сотрудников государственных и кооперативных организаций, привлекаемых к уголовной ответственности за отпуск или перепродажу товаров, а все такие дела рассматривать на показательных процессах.

По мере свертывания нэпа и усиления административных рычагов в управлении экономикой, дефицит товаров усиливался и, как следствие, многократно возрастала спекуляция. В декабре 1928 г. на места поступила новая директива об усилении борьбы со спекуляцией, в которой предусматривалось усиление репрес-

сий. Но спекуляция с отказом от нэпа и ставшим постоянным дефицитом абсолютно всех товаров сделалась в конечном итоге неизменным атрибутом советской экономики, победив все кампании против нее.

В 1926 г. новая экономическая политика начинает свертываться. Закрываются валютные биржи, усиливается давление на частных предпринимателей. Меняется и подход к экономическим преступлениям. Вводится понятие «экономическая контрреволюция». Статья 63-я трактовала понятие «экономическая контрреволюция» как противодействие нормально деятельности госучреждений или госпредприятий или использование для разрушения или подрыва экономического возрождения, то есть промышленности, торговли, транспорта. В конце 1920-х гг. усиливается репрессивный характер уголовной политики в виде перехода от «условно-трудового» наказания к лишению свободы с целью использования труда заключенных для решения экономических проблем государства. В условиях жесткого контроля властей над населением число общеуголовных преступлений сокращается при одновременном росте политических.

Преступность периода нэпа как социально-правовое явление обладало отчетливо выраженными особенностями, определенными закономерностями, количественными и качественными характеристиками. В первой половине 1920-х годов преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма, преступления против личности (грабежи, кражи), должностные преступления продовольственных работников. Но по мере развития рыночных отношений в экономике стали преобладать экономические преступления, которые становились все изощреннее, многочисленнее и крупнее по размерам хищений. С середины 1920-х годов доминирующее положение заняли должностные, хозяйственные преступления, преступления против личности и имущественные. Из поступивших в 1924 г. в губернские суды РСФСР 70589 дел контрреволюция и бандитизм составляли 2,1%; против порядка управления – 9%; должностные – 30%; по отделению церкви от государства – 0,06%; хозяйственные – 2,5%; против жизни, здоровья и достоинства личности – 26,9%; имущественные – 29% [11, с. 51]. В 1928 году картина существенно не изменялась: контрреволюция и бандитизм – 2%; против порядка управления – 46%; должностные – 26%; хозяйственные – 7%; против личности – 68%; имущественные (разбой, грабежи) – 26% [4, д. 5, л. 15-16]. Таким образом, значительную часть преступлений составляли должностные преступления (одна треть от всех преступлений), а также против жизни и имущественные (в совокупности более 50%). Их рост на протяжении нэпа был постоянен. В период с 1924 по 1928 г. количество человек, привлеченных к уголовной ответственности за должностные преступления увеличилось в разы, например, за присвоение, растраты, подлог с 220 до 3634, за взяточничество с 364 до 4407 [7, с. 258-289]. Большая часть должностных преступлений была связана с корыстными побуждениями в виде посягательств на государственное и личное имущество граждан.

Очевиден и другой вывод: в течение 1920-х годов так и не удалось справиться ни с одной из проблем, возникших или уже существовавших до нэпа преступных проблем: взяточничество, растраты и т.д. И только с окончательным сломом нэпа этот вид преступлений пошел на спад, поскольку существенно сузилась сфера экономической деятельности и, следовательно, исчезли условия возникновения экономической преступности.

Не удалось большевикам реализовать и уголовно-правовую концепцию, проводимую после октября 1917 г., когда налицо было стремление «одним махом и за короткий срок» покончить с преступностью, опираясь на тезис «несвойственности» преступности для социалистического общества. Снижение наказания за преступления и стремление в большей степени использовать методы исправительно-трудового перевоспитания, ограничиваясь мерами строго наказания для рецидивистов и «врагов народа», не привели к ощутимым результатам.

Положения уголовно-правовой концепции нашли отражение в Уголовных кодексах 1920-х гг., которые характеризует, прежде всего, дуализм в системе экономических преступлений. С одной стороны, в них закреплены нормы о преступлениях, характерных для рыночной экономики (фальсификация товара, ростовщичество, пользование чужим товарным знаком), с другой, присутствуют нормы, тесно связанные с сильным государственным присутствием в экономике (трудовое дезертирство, искусственное повышение цен, спекуляция и т.п.). Но ничего особенного в этом не стоит искать. Государственный капитализм, который снижал в значительной мере стимулирующие возможности рыночной экономики порождал особую психологическую обстановку времен нэпа, который к тому же рассматривался как временное явление. Эта сложная психологическая обстановка, во многом похожая на обстановку в России 1990-х–начала 2000-х гг., способствовала росту экономических преступлений. И тогда, и в постсоветский период действовал один принцип: «сейчас урвать, а там трава не расти».

Список литературы

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р.-5201. Оп. 1.
3. ГАТО. Ф. Р.-524. Оп. 1.
4. Там же. Ф. Р.-527. Оп. 1.
5. Там же. Ф. Р.-655. Оп. 1.
6. Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918-1926 гг. М.-Л., 1927.

7. Мазохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006.
8. Московская общеуголовная преступность в период военного коммунизма // Преступник и преступность. М., 1928.
9. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84.
11. Сводный отчет о деятельности губернских, областных, краевых судов и подведомственных им судебно-следственных учреждений за 1924 год. М., 1925.
12. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1922.
13. СУ РСФСР. 1921.
14. Там же. 1922.
15. Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР). 1922.
16. УК РСФСР. 1922. (в ред. 1923 г.).
17. Там же. 1926.
18. Феликс Эдмундович Дзержинский: биография. 2-е изд., доп. М., 1983.
19. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. 2654.

CRIMINALITY AS A SOCIAL-LEGAL PHENOMENON IN THE 1920s: TENDENCIES AND CONDITION

Nikulin V. V.

*History and Philosophy Department
Tambov State Technical University
viktor.nikulin@mail.ru*

Abstract. The criminality of the period of NEP as a social-legal phenomenon is analysed. The tendencies of its development, quantitative and qualitative characteristics are revealed. It is shown that in the first half of the 1920s violent actions such as criminal gangsterism and crimes against a person prevailed and from the middle of the 1920s the leading position was occupied by malfeasances and property crimes.

Key words and phrases: criminality; crime dynamics; tendencies; corruption; gangsterism; malfeasances; economic criminality; criminogenic situation; criminal code; punishment; criminal-legal conception.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: ФОРМЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Никулин Р. Л.

*Кафедра истории и философии
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»
rn344@mail.ru*

Статья рекомендована к публикации д.и.н., проф. Слезиным А. А. и к.и.н., доц. Блудовым А. М.

Аннотация. В статье раскрывается направленность и содержание политического контроля над коммунистическим союзом молодежи в начальный период сплошной коллективизации в СССР, анализируются факторы его актуализации. В качестве основных инструментов политического контроля над комсомолом рассматриваются система политического просвещения, чистки, партийное руководство, практика доношительства.

Ключевые слова и фразы: комсомол; политический контроль; коллективизация; «правый уклон»; классовая борьба; политическое просвещение.

Политический контроль всегда выступал неотъемлемым атрибутом системы партийного руководства комсомолом. Однако в отдельные периоды истории союза молодежи он приобретал совершенно гипертрофированные черты, что проистекало из характера политической ситуации в стране. Комсомол активно вовлекался партийными структурами в проведение массовой коллективизации сельского хозяйства. Данное обстоятельство в глазах высшего руководства страны особенно актуализировало задачи осуществления политического контроля в среде коммунистической молодежи.

Одной из превентивных, на наш взгляд, форм политического контроля в ВЛКСМ было политическое просвещение комсомольцев, осуществляемое как союзными, так и партийными структурами. В его содер-